КТО ОН, мой молодой современник?

Вопрос вроде бы ясный. Ответ уже давно готов, и даже интонация ответа предполагается.

Пальцы на руках уже разогнуты, чтобы начинать отсчет: наш молодой современник должен...

А если он не вмещается в сконструированную схему? А если голос у него глуховат и внешностью, как говорят, не вышел, если «двойка» промелькнула в дневнике или на собрании неудачно выступил, если не вышел в комсомольские лидеры, если увлекается аэробикой и брек-дансом, если, если, если?.. Недрогнувшим голосом скажем: это не наш «современник». Но кто же этот юноша или девушка, которых я встречаю в транспорте, на улице, в зрительном зале?

Наше сознание с трудом отказывается от стереотипа. И вот уже нехитрые рамки этого стереотипа могут послужить надежным прикрытием карьеристу, приспособленцу и даже преступнику. Вспоминаю недавно прочитанную статью, в которой рассказывалось, как единственный из школьников города член горкома комсомола, гордость школы, человек с блестящими характеристиками, начитанный, предупредительный, дисциплинированный, прекрасный общественник совершил убийство. И не попал это дело к следователю, который непредвзято и глубоко разобрался не в характеристиках и показаниях восторженных учителей, а в самом человеке, то сколько еще преступлений, моральных и физических, мог бы совершить этот карьерист, уверенно шагающий по жизни. Исключение? Да. Но любовно вскормленное нашей приверженностью к отжившим стереотипам.

Меняются люди. Меняется общественный климат. А наши мерки подчас остаются прежними. И по этим удобным и привычным меркам мы упрямо продолжаем оценивать людей. Новых людей. Молодых. А они не помещаются, не лезут. Их ли вина?

Ругаем молодых за жаргон, и, поверьте, я тоже против того, чтобы коверкать русский язык. Но давайте задумаемся: нередко «молодежная речь» — это протест против шаблона, против затасканности слов, против заученных, устаревших лозунгов. Меняется время. Научно-технический прогресс наступает на нас, и мы не всегда готовы к этому наступлению.

Как-то я была на одной крупной стройке, шла по улице, и путь мне преградили огромные, через весь асфальт написанные белой краской неуклюжие буквы, из которых

«СОВРЕМЕНИК»

О СОВРЕМЕНИКЕ

Коллеги, правда, 1986, 1992 г.г.
Герой в пьесе и герой в жизни. Всегда ли они похожи?

складывалось: «Ребята, неужели не сладим в срок?!»! От неожиданности и искренности этого нестрогого и непривычного лозунга побежали мурашки, и я подумала: «Точно сдадут! Эти сдадут!»

Почему я говорю об этом? Потому что, к сожалению, мы нередко оцениваем молодых с высоты своего возраста, опыта, положения, не пытаемся думать, размышлять, чувствовать вместе с ними.

Меня поразила история, рассказанная мне когда-то В. С. Розовым. Учительница в 1-м классе созвала экстренное родительское собрание. Пришли встревоженные родители в ожидании чего-то чудовищного. Учительница посадила с одной стороны родителей, с другой — детей и суровым тоном прокурора обратилась к ученикам: «Расскажите, что произошло сегодня в классе? Ну-ка, Петя, расскажи всем, что ты сегодня натворил». Встал перепуганный Петя и, заикаясь, начал рассказывать, как на уроке не удержался и макнул в краску косичку сидевшей впереди Иры. Кто-то из родителей хихикнул, но гневный взгляд учительницы восстановил порядок, и она продолжила: «Теперь скажи всем нам, Петя: хороший ты человек или плохой?». К счастью, мальчик оказался мудрее своей наставницы и ответил: «Не знаю». Зато учительница в себе не сомневалась: «Вот видишь! Я же знаю, что я человек хороший! А ты про себя не знаешь: какой ты человек?»

Меня удивляет не только глубокая безразличность этой учительницы и даже не то, что родители позволили устроить подобное судилище, но абсолютная уверенность этого так называемого педагога в своем праве на беспалляционный суд.

Когда мать кормит ребенка с ложечки — это необходимо, но в какой-то момент эта необходимость отмирает: ребенок, как и положено, начинает есть самостоятельно. Пора и нам перестать пичкать молодых прописными истинами и научиться прислушиваться к их мнению. Это бывает полезно.

Но мне кажется, не стоит

и молодым воздвигать искусственную стену между поколениями, не стоит быть глухими к не заученным, а выстраданным истинам. Только в соединении юношеских максималистских взглядов на жизнь и мудрого опыта старших поколений может быть высечена искра подлинной гражданской заинтересованности в своей судьбе и судьбе своей страны.

В наш театр приходят молодые актеры, и мы стараемся дать им возможность даже в небольшой роли проявить свое отношение к миру и к самим себе. Они должны ощутить себя равноправными строителями нашего общего дела наравне с опытными мастерами, а не чувствовать себя вечно экзаменуемыми учениками. Без этого невозможно нормальная жизнь театра. Недоверие к актеру приносит вред не только ему самому, но и театру — так можно прогнать и потерять и очень талантливого человека.

Мы не боимся брать молодых актеров прямо со студенческой скамьи на ведущие роли. Лена Яковлева — Гитель Москва в «Двое на качелях», Маша Ситко — Катя в «Эшелоне», Сергей Гармаш — Загорский в «Большевиках», Александр Кахун — Андрей в «Трех сестрах», Василий Мищенко — Хлестаков, целый молодежный состав в «Днях Турбиных» и «Навски — девятнадцатилетние»... А как же иначе?

В «Современнике» всегда были молодые режиссеры. Валерий Фокин пришел в театр из института и сразу получил самостоятельные постановки. Теперь он — главный режиссер крупного московского театра, а у нас продолжает работать молодежь. Молодой режиссер может иногда ошибаться, пробовать, идти не туда, выбирать непрямые пути, но если его поиск идет на территории нашего искусства, театр в любом случае от этого выигрывает.

НО КТО ЖЕ он, мой молодой современник? Каким я хочу его видеть?

Прежде всего — личностью. Уважаю молодых — и не только молодых, — людей, которые не боятся иметь собственный взгляд

на мир и на самого себя. Сегодня, как никогда, чувствуется потребность серьезного разговора на все эти темы, потому что сама атмосфера сегодняшнего дня дает нам импульс для этого. Кем будет молодой человек сегодня, когда так необходимы его страстность, его желание работать, его тяга к новому, его стремление изменить мир к лучшему? Наблюдателем, пусть самым доброжелательным, но зрителем? Или захочет сам участвовать в этом обновлении? Здесь-то и выявится, кто личность, а кто, увя, пока нет.

Существует представление о масштабе личности, и меня тревожит, что сейчас молодые люди испытывают своего рода девальвацию личности. Очень часто молодые существуют около события, ситуации, не пытаюсь активно вмешиваться в нее, подменяют глубокое, действительное познание сторонним наблюдением и формальным участием. Суета, узость интересов, мелочность забот часто давят на них тяжким грузом и мешают расти. Что такое инфантилизм, о котором мы так много говорим? Это признак личностной недостаточности, неумение состояться как личность. Тревожно, что таких ребят немало, но я все же уверена, не они определяют лицо поколения.

Помню, под Иркутском мы встретили молодых ихтиологов. Поразительно, что люди, месяцами оторванные от дома, от комфорта, живущие в походных условиях, с таким жаром, истово, яростно рассказывают о своей жизни и вовлекают в нее нас. Их трудная жизнь, точнее, их отношение к этой жизни даже вызывает зависть.

Или в библиотеке Томского университета молодая девушка вводила меня в мир XIX века, рассказывала об этом с удивительной страстью и заинтересованностью, демонстрируя поразительные знания. Я увидела человека, который влюблен в свое дело и не может не поделиться своей любовью с другими.

Формулу личности, по которой живут эти ребята и тысячи таких, как они, можно выразить, наверное, так: «Быть, а не казаться».

Но вот я открываю очередную пьесу и снова не нахожу в ней своего молодого героя. Я хорошо представляю его. Это человек, который, вообразив мучительные противоречия отцов и объединив их со своими размышлениями о мире, укажет новый, свой, ни на что не похожий путь познания человека.

Положительный ли герой Андрей Болконский? Вроде никаких героических поступков не совершает. Более того, постоянно страдает, сомневается. Но как богат его духовный мир, насколько поучительно для нас познать и разгадывать его. Я думаю, именно благодаря такому познанию появляется у нас вера в этого человека. Не положительного, не отрицательно-жизного, близкого.

Именно веры в героев многих современных пьес мне не хватает. Мечтаю о герое, который совершил бы душевный человеческий подвиг, о герое, чьи искания истины увлекли бы театр, а вслед за ним и зрителя, в которого мы бы поверили, как верят в хороших близких друзей, чтобы нам захотелось прожить с ним вместе его сценическую жизнь и возникла потребность подражать ему.

За 30 лет своего нелегкого пути наш театр переживал разные времена, его и возносили, и ниспровергали. Но постоянный интерес многих поколений зрителей к нашему «Современнику», не окрашенный сиюминутной скандальной славой, доказал его жизнеспособность.

Мы никогда не ориентировались специально на молодежь. Я вообще не очень понимаю: как это — театр для молодых, театр для старых. Театр должен быть настоящим, волнующим, живым, тогда он будет интересен всем. И все же, если мы не будем думать о молодежи, не будем думать о постоянном обновлении театрального организма, о вливание молодой крови, нам грозит реальная возможность не услышать и не понять время и превратиться в музей.

И ПОТОМУ я снова и снова думаю о своем молодом современнике — каков он? Что ему интересно и что безразлично? Что для него важно, а что не имеет значения? Что вдохновляет его, а что оставляет равнодушным? Чем можно покоришь его и чем отринуть от себя? Что привлечет его к нам, а что оттолкнет от нас?

Мне очень важно это понять.

Гална ВОЛЧЕК,
народная артистка
РСФСР, главный режиссер
московского
театра «Современник».